

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

О. В. ОБЕЛЬЧЕНКО

КУЮ-МАЗАРСКИЙ
И
ЛЯВАНДАКСКИЙ МОГИЛЬНИКИ—
ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ КУЛЬТУРЫ
БУХАРСКОГО ОАЗИСА

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ—1954

Б454.

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

О. В. ОБЕЛЬЧЕНКО

КУЮ-МАЗАРСКИЙ
И
ЛЯВАНДАКСКИЙ МОГИЛЬНИКИ—
ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ КУЛЬТУРЫ
БУХАРСКОГО ОАЗИСА

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ТАШКЕНТ—1954

Иив. Л. 454.

Изучение истории и истории культуры Средней Азии ознаменовалось в последние годы целым рядом открытий принесших советским археологам заслуженную славу. В виду скудости сведений письменных источников при изучении древней истории народов Средней Азии особую значимость приобретают данные археологии, которые по существу являются основным источником для древнего периода истории. В годы послевоенных пятилеток территория Средней Азии изучается целым рядом крупных экспедиций, которые открыли для науки новые памятники.

Однако, несмотря на широкий размах работ, некоторые категории памятников не изучены в достаточной степени. Одним из существенных пробелов в археологическом изучении Средней Азии является полное отсутствие данных о курганных погребениях древнего Согда. Курганные погребения Согда не только не изучались, но многие могильники даже не отмечались в литературе. Работами советских археологов показано, что погребальные памятники могут служить одним из наиболее ценных источников по истории и истории культуры создавшего их общества.

Настоящая диссертация посвящена исследованию двух курганных могильников в восточной части Бухарской области УзССР.

Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения. К диссертации приложен альбом с иллюстрациями.

Изучение могильников и прилегающих к ним археологических памятников производилось автором диссертации в полевые сезоны 1952 и 1953 гг. в соответствии с планом работ Института истории и археологии АН УзССР. В 1953 г. в полевых работах принял участие Бухарский областной историко-краеведческий музей Министерства культуры УзССР, прикомандировав к экспедиции своего сотрудника.

Описанию и анализу исследованных археологических памятников предшествует краткая история изучения курганных

погребений в Средней Азии, которой посвящена первая глава. При написании этой краткой сводки ставилась цель дать наиболее полный перечень изученных курганных погребений в Средней Азии, ибо достижения советской археологии Средней Азии в изучении курганных погребений не были еще суммированы.

Вторая глава диссертации посвящена археологическому и топографическому описанию могильников и прилегающих памятников и третья глава — анализу полученных материалов и значению этих материалов для вопросов истории и истории культуры Средней Азии.

С востока к Бухарскому оазису примыкает степь Карнап-чуль, которая в силу структуры почвы непригодна для земледелия и интенсивного развития скотоводства. Между культурными землями оазиса и степью пролегает узкая полоса солончаков, бывших до недавнего времени заболоченными и покрытыми густыми зарослями камыша, в котором водилось много дичи. По границе солончаков и степи проходят остатки древней стены Кампыр-Дувал в виде невысокого оплывшего вала. Полоса степи Карнап-чуль, примыкающая к оазису, сразу же за валом стены повышается образуя возвышенности, на которых расположены курганы и бессточные котловины, одна из этих котловин приспособлена под Кую-Мазарское водохранилище. Остатки этой стены были впервые исследованы в 1896 г. Н. Ф. Ситняковским от бугра Кизыл-тепе до кишлака Хазара. В восточной же части, в районе ст. Кую-Мазар Ашх. жел. дор. (23 км. северо-восточнее ст. Каган), остатки этой стены в 1930 г. были обнаружены Е. К. Алексеенко и обследованы В. А. Шишкиным в 1934 г.

Во время обследования Кампыр-Дувала В. А. Шишкин обнаружил севернее станции Кую-Мазар курганные насыпи в степи около вала стены.

В время полевых работ автора летом 1952 г. к северу от станции было обнаружено большее количество насыпей, а юго-западнее станции большое курганное поле и отдельные группы курганов. Курганы были зарегистрированы в 3,5 км. севернее станции в районе бугра Соинова и далее севернее и восточнее его. По месту расположения курганных насыпей могильник был назван Кую-Мазарским.

Дальнейшие работы в этом районе выявили еще один могильник, косвенное указание, на наличие которого имелось в одной из работ А. И. Тереножкина. Этот могильник находится северо-восточнее станции Кую-Мазар, в степи, близ кишлака Лявандак и одноименного городища и был назван Лявандакским.

Изучение курганных погребений в Средней Азии делится на два основных периода. Первый период охватывает время до Великой Октябрьской социалистической революции, когда изучение курганных погребений проводилось эпизодически и, за редкими исключениями, совершенно неподготовленными людьми не только к вскрытию курганов, но к археологическим раскопкам вообще.

Несмотря на интерес проявляемый к истории и истории культуры народов Средней Азии курганы не привлекали к себе особенного внимания исследователей.

Раскопки курумов Н. И. Веселовским в 1885 г. в Фергане, раскопки курганов В. М. Флоринским в 1886 г. в Семиречье не дали сколько-нибудь ощутимых результатов.

Раскопки курганов на «никифоровских землях» под Ташкентом в 1887 г. Н. П. Остроумовым и его сотрудниками, несмотря на очень тщательный подход к изучаемому объекту, также не дали каких-либо значительных результатов.

В 1890 г. А. М. Фетисов раскопал большое количество курганов в Семиречье, где им впервые были обнаружены подбойные могилы. Однако ни датировок вскрытых курганов, ни попыток осмыслить добытый материал—не было сделано. Раскопки других исследователей курганов, Н. Н. Пантусова в 1896 г., Ф. В. Пояркова в 1897 г. и экспедицией Г. Гейкеля показали полную беспомощность дореволюционной археологии Средней Азии.

Коренным образом положение изменилось после установления Советской власти в Средней Азии. Археология стала подлинно научной дисциплиной, а само создание её является заслугой советских археологов.

В 1928 г. было начато изучение курганов под Ташкентом М. Е. Массоном, а в Северной Киргизии М. В. Воеводским и М. П. Грязновым. Впервые в археологии Средней Азии курганы были изучены научными методами, а полученный материал использован для освещения вопросов истории.

В 1929 г. было начато изучение разновременных курганов Пскентского могильника под Ташкентом группой археологов под руководством М. В. Воеводского и А. А. Потапова. Среди раскопок курганов последующих лет необходимо отметить раскопки 1937—1938 гг. Г. В. Григорьева под Янги-Юлем, которые дали ценный и интересный материал.

1938—1939 гг. А. Н. Бернштам раскапывал курганы Кенкольского и Берккаринского могильников. Эти раскопки обогатили советскую археологию новыми и ценными данными.

В период строительства больших ирригационных сооружений в Средней Азии, Большого Ферганского канала в 1939 г., Катта-Курганского водохранилища в 1940 г. и Большого Чуйского канала в 1941 г. археологами были изучены курганные погребения, находившиеся в зоне строительства. Начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война не приостановила изучение курганов в Средней Азии.

В 1944 г. экспедицией под руководством А. Н. Бернштама было начато систематическое изучение курганных погребений Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Эти работы в годы послевоенных пятилеток приняли широкий размах и открыли для науки культуру древних обитателей этого района Средней Азии.

В последние годы изучение курганов было начато всеми крупными археологическими экспедициями в Средней Азии. Среди этих раскопок необходимо отметить первое вскрытие курганов в Южной Туркмении в 1951 г. ЮТАКЭ, раскопки курганов в 1949—1951 гг. Хорезмской экспедицией и раскопки курганов М. Э. Воронцом в Фергане в 1951 г.

Широкий размах работ и большое количество археологического материала полученного при раскопках курганов, позволили советским ученым осветить целый ряд вопросов истории и истории культуры народов Средней Азии.

II.

Основная масса курганных насыпей Кую-Мазарского могильника сконцентрирована в виде двух полей к северу и юго-западу от станции Кую-Мазар. Северо-восточнее станции курганы находятся в районе бугра Соинова, южнее разъезда № 87 (между ст. Кую-Мазар и Кизыл-тепе). Небольшая группа курганов—на восточном берегу отстойника водохранилища, юго-восточнее бугра Соинова.

Курганные насыпи в могильнике расставлены без всякой системы. Местами курганы лепятся друг к другу, местами они стоят на значительном расстоянии один от другого, но все курганные насыпи расположены близ стены Кампыр-Дувал. Насыпи имеют вид полусферы с сильно оплывшими краями. Высота основной массы курганов 1—1,20 м при диаметре 12—14 м. В южной группе курганов имеется насыпь высотой 3,5 м диаметром в 35 м. Вскрытие курганов производилось в различных частях могильников, но основная масса курганов была раскопана в районе ст. Кую-Мазар, на поле № 1 севернее станции и на поле № 2 юго-западнее станции. Всего было раскопано 22 кургана. Насыпи курганов возведены из песка с галькой с включениями измельченного волокнистого гипса. Никаких выкладок из камня на бывшей дневной поверхности не было. Под насыпью

кургана № 30 на поле № 2 было обнаружено пятно обожженной земли—след от костра.

В насыпях нескольких курганов были найдены захоронения костей в хумах или в крупных фрагментах хумов по зороастрийскому ритуалу. Особенно много таких захоронений было найдено в насыпях трех курганов около бугра Соинова. Раскопками Кую-Мазарского могильника были выявлены два типа погребальных сооружений. Первый тип—могильная яма, прямоугольная в плане, с закругленными углами, ориентированная длинной осью по линии север—юг, иногда с небольшим отклонением к западу. Длина могильных ям различна от 2,25 м до 3,25 м, ширина ям 1—1,10 м, глубина несколько более 2 м. Вдоль восточной стенки у всех могильных ям сставлена ступенька, а в западной стенке, почти по всей ее длине сделан подбой высотой около полуметра, шириной в 1 м. Второй тип—ступенчатый дромос, с такой же ориентацией как подбойные могилы, и катакомба в южной стенке дромоса. Длина дромосов различна от 2,5 м до 3,2 м, ширина 1,10—1,5 м; глубина до 3 м. Катакомбы в плане овальные, длиной до 2,9 м, ширина до 2,5 м. Высоту установить не удалось, своды всех катакомб и большей части подбоев обрушены. Погребальные сооружения вырубались в толще волокнистого гипса, который является основным подпочвенным слоем степи. Подбой отгораживался от могильной ямы камышом, которым покрывались пол и ступенька. Поверх камыша подбой закладывались кусками гипса, которые выше потолка подбоя не клались. Могильные ямы засыпались измельченным гипсом полученным при устройстве могилы, и песком с галькой. Входы в катакомбы закладывались сырцовым кирпичом или кусками гипса, без камышевой перегородки. Ни у одного кургана проследить ров вокруг насыпи не удалось. Почти все раскопанные курганы оказались ограбленными, но не совсем. Значительная часть инвентаря сохранилась благодаря обрушению сводов подбоев и катакомб, в результате чего часть инвентаря оказалась засыпанной и не была похищена грабителями. Но от обрушения пострадали скелеты, большое количество черепов оказалось разбитыми на мелкие кусочки. Кости очень плохой сохранности в результате долгого пребывания в сырости и действия солей.

Раскопками в Кую-Мазарском могильнике были выявлены две хронологические группы погребений. Первая характерна захоронениями в подбоях и катакомбах, южной ориентацией скелетов, наличием в инвентаре оружия, керамикой с покрытием красным и светлосерым ангобом.

Вторая хронологическая группа погребений характерна вторичными захоронениями в катакомбах курганов первой хронологической группы, северной ориентацией скелетов, отсутст-

внем оружия, керамикой покрытой снаружи черным ангобом плохого качества, иными формами сосудов.

В одном случае старый дромос был засыпан, новый сделан в другом месте и над ним была возведена насыпь, а старый дромос остался вне насыпи.

В погребениях первой хронологической группы некоторые катакомбы использовались для повторных захоронений. Подбойные же могилы дали индивидуальные захоронения, причем дети хоронились в отдельных для каждого подбойных могилах малых размеров и с небольшими насыпями. Раскопанные детские погребения оказались полностью ограбленными.

В погребениях первой группы покойники клались в подбой по длинной оси головой на юг, на подстилку из хвороста или камыша. Трупы клались или в вытянутом положении на спине, или же в скорченном. В скорченном положении, при котором ноги согнуты в коленях и симметрично раскинуты в стороны, лежала небольшая часть мужских скелетов. Подавляющая же часть скелетов лежала в вытянутом положении, в некоторых погребениях вследствие ограбления и нарушения положения костяков установить трупоположение было невозможно. Покойники клались в могилы в одежде, со снаряжением и инвентарем. Инвентарь найденный в могилах представлен посудой станковой работы из обожженной глины, предметами вооружения—железными, двулезвийными мечами чечевичными в разрезе с прямым перекрестием и без металлического навершия, кинжалами—с «переломленным» перекрестием и «волютообразным» навершием, без перекрестия, с отломанной рукояткой. Кинжалы двулезвийные, чечевичные в разрезе. Мечи и кинжалы были в деревянных ножнах, рукоятки обкладывались деревом. У меча из кургана № 20 на поле № 2 перекрестие сделано из бронзы. Во многих погребениях были найдены железные, трехлопастные, черешковые наконечники стрел с опущенными жалцами. К культовым предметам относятся курильницы из глины серого обжига. В погребениях также были найдены железные круглые пряжки с подвижным язычком и пряжки из кости в виде пластин с крючком или кнопкой для застегивания.

Во всех погребениях лежали кости передней ноги овцы с лопаткой, около них всегда лежали маленькие ножи прямые или серповидной формы.

Инвентарь клался в могилы следующим образом. Посуда чаще всего ставилась выше и правее головы, редко у левого бока. Ближе к голове, с правой стороны, клалась передняя нога овцы с лопаткой и около нее или под нее нож. Мечи клались или вдоль левой руки или вдоль правой. Кинжалы клались с правой стороны около пояса. Остриями мечи и кинжалы были

обращены к ногам. Наконечники стрел лежали с правой стороны чуть выше колена остриями к ступне.

Количество погребений второй хронологической группы обнаруженных в могильниках незначительно.

Три раскопанных насыпи оказались кенотафами. В них была найдена посуда, по технике изготовления принадлежащая к посуде второй хронологической группы и терракотовая статуэтка богини плодородия—Анахит. Под насыпями были «погребены» куски гипса.

Курганы Лявандакского могильника расположены на прилежащих с востока к городищам Лявандак и Ходжа-Аджуванди-тепе возвышенностям. Основная масса курганов группируется близ упомянутых городищ, которые были крепостями в системе стены Кампыр-Дувал. Раскопки производились в нескольких местах могильника, но основная масса курганов была вскрыта около городища Лявандак.

Почти все раскопанные 10 курганов Лявандакского могильника принадлежали к погребениям первой хронологической группы. Раскопками были выявлены те же типы погребальных сооружений, что и в Кую-Мазарском могильнике, с той же ориентацией и с тем же труположением. Оружие представлено такого же типа мечами, что и кую-мазарские, за исключением одного меча и двух новых типов кинжалов. Меч из кургана у тригонометрического пункта имеет на рукоятке навершие в виде круглой пластинки. Один кинжал имеет округлое перекрестие, опущенные концы которого имитируют усики, и кольцевое навершие. Другой кинжал не имеет перекрестия, но рукоятка увенчана округлым навершием. Среди находок необходимо отметить большие кувшины с ручкой и профилированным венчиком, большое количество бус из стекла разной формы с впавленной золотой фольгой, бусы из сердолика, гишера. Особо следует отметить находку бронзовых зеркал с плоской рабочей стороной и валиком и выступом в середине с другой. Зеркала сбоку имеют заостренные насады для ручек. У зеркала из кургана № 6 была костяная цилиндрическая ручка. Среди украшений была найдена круглая пластинка из листового золота с изображением женского лица. Женские погребения Лявандакского могильника отличаются богатством инвентаря, наличием в могиле наконечника стрелы и костей передней ноги овцы с ребрами (бочок). В одном кургане был отмечен факт превращения подбойной могилы в катакомбную. Курильницы иногда заменялись фрагментом донца хума. В насыпи кургана № 2 был найден оссуарий в виде хума, у которого по плечикам был сделан поясок прорезных стреловидных «бойниц». В хуме оказались кости одной особи человека пересыпанные песком. В

остальном весь инвентарь погребений одинаков с инвентарем Кую-Мазарского могильника.

По определению В. Я. Зезенковой черепа из погребений первой хронологической группы принадлежат к брахицефальному и долихоцефальному европеоидному типу. Некоторые, черепа подвергались деформации кольцевого типа, но слабее выраженной нежели на черепах из Кенкольского могильника. Черепа из погребений второй хронологической группы принадлежали долихоцефальному европеоидному типу. Черепа из захоронений костей в хумах принадлежат долихоцефальному и брахи-мезоцефальному европеоидному типу. Череп ребенка—подростка из хума, опущенного в насыпь кургана № 3 у бугра Соинова, имеет деформацию такого же типа, как и череп из погребений первой хронологической группы.

Исследование Кампыр-Дувала и городищ было ограничено подчиненными задачами, решение которых помогло полнее освоить материалы могильников. Вал стены Кампыр-Дувал был разрезан в двух местах, в районе бугра Соинова была вскрыта трехчетвертная башня стены, которая была сложена из сырцового кирпича плохого качества размером 42 x 22 x 7 см.

На городище Лявандак был опущен шурф, в нижнем ярусе которого была найдена ножка кубка идентичная ножке кубка из погребения первой хронологической группы кургана № 22 на поле № 2 Кую-Мазарского могильника.

На городище Ходжа-Аджуванди-тепе шурф прорезал меншанные слои, внизу был найден фрагмент венчика сосуда с ручкой увенчанной изображением морды собаки.

На одном из островов водохранилища был найден оссуарий овальной формы с полыми налестками на боковых стенках. Фрагменты оссуариев были найдены на бугре Соинова.

III.

Подбойные могилы Кую-Мазарского и Лявандакского могильников по своему устройству отличаются от известных могил такого типа в Средней Азии и одинаковы с подбойными могилами Нижнего Поволжья сарматского времени. Катакомбы рассматриваемых могильников отличны от катакомб могильников Средней Азии тем, что длинная ось катакомбы является продолжением длинной оси дромоса, в то время как во всех исследованных катакомбах Средней Азии длинная ось катакомбы перпендикулярна длинной оси дромоса.

Устойчивая южная ориентация скелетов в погребениях первой хронологической группы могильников характерна для части могильников Средней Азии первых веков до н. э. (Тамдинский могильник III—I вв. до н. э. Южный Казахстан, Ку-

винский могильник III—II вв. до н. э. и др.). Сарматские погребения первых веков до н. э. Нижнего Поволжья, Южного Приуралья и Северного Кавказа, как правило имеют южную ориентировку скелетов.

В подавляющей же массе могильников Средней Азии в погребениях первых веков н. э. господствует северная ориентировка скелетов или по другим странам света.

Южная ориентация скелетов в погребениях могильников связана с культом юга, возникновение которого связано с культом солнца.

Аналогии скорченному труположению в погребениях Приуралья, Северного Причерноморья и Средней Азии, а также незначительная высота подбойных могил позволяют считать этот тип труположения одной из черт погребального обряда и отвергнуть точку зрения Г. В. Григорьева и др. о том, что такая постанова ног скелетов вызвана тлением трупа, у которого ноги были согнуты в коленях и подняты кверху.

Железные мечи длиной до 1 м найденные в погребениях могильников не находят себе аналогий в археологическом материале Средней Азии. Полным аналогом, за исключением длины, мечам из рассматриваемых могильников является меч из погребения I в. до н. э.—I в. н. э. найденный И. В. Сеницыным у села Жангалы (Западный Казахстан). Аналогичный меч был найден К. Ф. Смирновым в погребении конца II в. до н. э. на левом берегу Волги у села Политотдельского. В некоторых деталях мечи из Кую-Мазарского и Лявандакского могильников схожи с мечами из погребений Челябинской группы сарматов IV—II вв. до н. э. (по К. Ф. Смирнову). Кинжалы имеют черты сходства с акинаками из могильника Памирская I (Тамды), с мечами из савроматских погребений Приуралья, и с кинжалами тагарской эпохи из Южной Сибири. В первые века н. э. в Средней Азии в употреблении были мечи и кинжалы без перекрестий и металлических наверший. Железные, трехлопастные, черешковые наконечники стрел с опущенными жальцами находят себе аналогии в материале из сарматских погребений первых веков до н. э. Нижнего Поволжья, Приуралья из материала первых веков до н. э. Средней Азии и в материале рубежа н. э. из Индии. Формы лопастей наконечников стрел из рассматриваемых могильников копируют формы лопастей поздне-скифских бронзовых наконечников стрел. В первые века н. э. в Средней Азии, как и в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе в употреблении были наконечники стрел, у которых лопасти образуют прямой угол с черешком. Одновременные находки крупных и мелких наконечников стрел в могильниках являются свидетельством их сосуществования.

Находки небольшого количества наконечников стрел в погребениях Кую-Мазарского и Лявандакского могильников, а также других могильников Средней Азии позволяют поддерживать предположение М. Э. Воронца, который считал, что обычай положения небольшого количества стрел в могилу имеет магическое значение. Роль же стрелы в погребальном и других обрядах хорошо была показана Н. И. Веселовским.

В связи с этим, а также со сведениями о погребальных обрядах кочевников степей Казахстана (И. А. Кастанье) найденная в кургане № 13 Лявандакского могильника воткнутая вертикально в могилу палка рассматривается как копье или же его имитация. Обычай втыкания копий в могилы хорошо известен по скифским погребениям юга европейской части СССР и Кавказа.

Железные ножи серповидной формы или прямые, без наверший, или с кольцевыми навершиями находят себе аналогии в сарматских погребениях Приуралья, Поволжья, Северного Кавказа первых вв. до н. э.—первых веков н. э.

Пряжки из кости и железа с крючком или кнопкой для застегивания ремня аналогичны подобным пряжкам из туяхтинских курганов Южной Сибири, берккаринской пряжке и др. Особо необходимо отметить пряжку в виде плоского кольца с кнопкой для застегивания. Аналогичные пряжки были найдены Ф. Д. Нефедовым в погребении IV—II вв. до н. э. Приуралья и погребении I в. до н. э.—I в. н. э. некрополя Дура-Европос.

Керамику найденную в погребениях могильников можно разделить на несколько групп. Первую группу составляют кувшины с ручками найденные в Лявандакском могильнике. Тулово кувшинов округлое, горловина цилиндрическая с отогнутым наружу профилированным венчиком. Кувшины с такой профилировкой венчиков в археологии Средней Азии неизвестны. По форме тулова и профилировкой венчиков кувшины очень схожи с кувшинами III—II вв. до н. э. найденных при раскопках античных городов на Таманском полуострове. Профилировка венчиков одинакова с профилировкой венчиков аттических амфор афинских комплексов Д и Е, II в. до н. э., из находок Г. Томпсона.

Кувшины без ручек по форме тулова очень близки сарматским кувшинам Нижнего Поволжья и Северного Кавказа.

Фляги с уплощенным боком и двояковыпуклые находят себе аналогии среди подобных фляг культуры Каунчи II, могильника близ Ширин-сая и в находках на городище Старая Ниса.

Бокалы из погребений могильников по форме тулова и ножек почти одинаковы с бокалами первых веков до н. э. из под Сталинабада и могильника Туп-хона.

Небольшая полусферическая чаша со срезанным дном аналогична по форме чашам из погребений I в. до н. э. № 79 и № 55 могильника Туп-хона.

Другая небольшая чаша и миска с отогнутым наружу венчиком аналогичны подобным сосудам из слоя Кобадан II (II—I вв. до н. э.) на городище Кей-Кобад шах.

Бронзовые зеркала из Лявандакского могильника аналогичны зеркалам времени предшествующему н. э. из находок в Южном Приуралье, Нижнем Поволжье, Северном Кавказе и Таиансе. Бусы из стекла с вплавленной золотой фольгой различной формы, подвески—амфоровидные и в виде бутылочек из пасты и стекла имели большое распространение в первые века до н. э. и н. э. в Средней Азии, на Кавказе, в Поволжье. Ценной находкой является плакетка из золота, на которой отштамповано с дополнительной проработкой резцом изображение лица, в деталях повторяющее лицо на серебряном медальоне найденном в районе Тобольска и отождествленном К. В. Тревер с изображением Артемиды.

Фрагмент костяной пластинки с процарапанным изображением воина в кольчуге из кургана № 19 на поле № 2 Кую-Мазарского могильника является уникальной находкой для археологии Средней Азии. Общий облик лица воина скифидный, некоторые черты изображения головы аналогичны чертам изображений персонажей на ковре из пятого кургана Пазырыка а, кольчуга изображена также, как кольчуга воина на астрагале из слоя Кобадан II, городище Кей-Кобад шах.

Инвентарь погребений второй хронологической группы представлен керамикой, сделанной на гончарном круге, которая находит себе аналогии в более поздней и модифицированной керамике с городищ района Варахши и Сурхан-Дарьи. Сосуд типа фиалы аналогичен по форме такому же сосуду конца II начала III вв. н. э. с городища Гяур-кала (Мерв).

Чашевидные кубки по форме аналогичны таким же сосудам из слоя II в. до н. э.—I в. н. э. с городища Ер-Курган на р Кашка-Дарья, нижнего слоя, I в. до н. э.—I в. н. э., городища Мунчак-тепе, Фергана, и района Варахши.

Кубок на ножке с изломанным контуром тулова аналогичен кубку первых веков н. э. из района Катта-Курганского водохранилища и близок кубкам первых веков н. э. с городищ древнего Термеза и Сурхан-Дарьи.

Кенотафы Кую-Мазарского могильника по найденным в них сосудам можно отнести к погребальным сооружениям второй хронологической группы погребений.

Захоронения костей в хумах, по зороастрийскому ритуалу, в насыпях курганов могильников являются последней по вре-

мени группой погребений. Хумы по форме тулова близки к хумам найденным на городище древнего Пянджикента, а один хум аналогичен хуму I—IV вв. с городища Термеза.

Обнаружение захоронений костей в хумах, находки оссуариев и фрагментов оссуариев являются первыми находками подобного рода в Бухарской области и в некоторой степени заполняют пробел в изучении древней культуры этой части Согда.

Учитывая топографию могильников и рельеф местности, можно высказать предположение, что бугор Соинова служил дахой, куда выносились трупы для очищения костей.

Находки оссуариев оригинальных форм в Кую-Мазарском и Лявандакском могильниках, а также привлечение данных о находках оссуариев в Пянджикенте, на городищах древнего Хорезма и в Тургай-Мазаре под Самаркандом не только поддерживают положение Б. Я. Ставиского об отрицании подражания овальной формы оссуариев юртам, но и вообще ставят вопрос о полном отрицании подражания форм оссуариев каким либо сооружениям.

Исследование городищ Лявандак и Ходжа-Аджуванди-тепе показало, что они были небольшими рабатами в системе стены Кампыр-Дувал, а время их возникновения можно отнести к первым векам до н. э. Опушенный на городище Лявандак шурф позволил выяснить стратиграфию городища, а материал полученный в результате раскопок помог определению во времени хронологических групп погребений в могильниках. Материалы полученные в результате исследования городищ позволили установить, что жизнь в этих городках пришла в упадок в III—IV вв. н. э., что явилось следствием кризиса рабовладельческой формации.

Пришедшие в упадок стены городища Ходжа-Аджуванди-тепе были обтянуты пахсовой рубашкой, в которой в большом количестве встречается керамический материал V—VI вв.

Раскопки остатков стены Кампыр-Дувал не дали археологического материала, который бы указал на время ее возведения. Однако установление времени возникновения городищ в системе стены и привлечение данных письменных источников делают возможным предположение о ее возведении в первые века до н. э.. Современные остатки стены это та стена, которая была возобновлена в VIII—IX вв. Расположение стены и городищ на окружающей их местности, а также привлечение данных о восстаниях в Бухарской области в VIII—IX вв. подтверждают взгляд А. Н. Бернштама на роль «длинных стен», окружавших земледельческие оазисы Средней Азии, согласно которому эти стены имели не столько оборонное назначение,

сколько служили средством удержания в повиновении эксплуатируемых масс.

Исходя из аналогий археологическому материалу полученному при раскопках погребения в могильниках можно датировать следующим образом. Погребения первой хронологической группы—конец II в. до н. э.—I в. н. э., вторая хронологическая группа погребений II—IV вв. н. э., захоронения костей в хумах и оссуарии—V—VI вв., овальный оссуарий можно отнести к VII—VIII вв.

Полученные во время раскопок данные не дают возможности сказать что либо об имущественной дифференциации общества, к которому принадлежали погребенные первой и второй хронологических групп. Эти данные можно получить только путем раскопок больших курганов, которые были обнаружены севернее и северо-восточнее Лявандакского могильника.

Анализ материала и расположение могильников у стены Кампыр-Дувал, т. е. на границе оазиса, позволяют считать могильники принадлежащими населению, недавно перешедшему к оседлости. Для общества оставившего после себя эти могильники характерны сильные пережитки матриархата, которые так блестяще были показаны у сарматов Нижнего Поволжья Б. Н. Граковым.

Многочисленные аналогии археологическому материалу, в частности оружию, из погребений могильников указывают на генетическую связь с скифо-сарматской культурой, особенно последней, Приуралья и Нижнего Поволжья. Сарматообразный облик могильников и время их возникновения позволяют несколько иначе смотреть на ряд положений сложившихся в археологии и истории Средней Азии.

Обнаружение захоронений в катакомбах и подбоях и открытие Я. Г. Гулямовым захоронений эпохи бронзы в катакомбах на территории Бухарской области отрицают выдвигавшиеся до недавнего времени А. Н. Бернштамом взгляды на принесение гуннами в Среднюю Азию обычая погребения в катакомбах.

Особое значение в этой концепции придавал А. Н. Бернштам подбойным могилам, которые он считал могилами «гуннского происхождения».

Обнаружение же подбойных могил конца II в. до н. э. на территории древнего Согда, в который гунны никогда не проникали не только отрицает эти взгляды, но и ставит вопрос о пересмотре принадлежности целого ряда могильников гуннам.

Другим не менее важным вопросом является вопрос о происхождении народов разгромивших в середине II в. до н. э. Греко-Бактрию.

Все попытки решить этот вопрос по данным ономастики, на основании лингвистического анализа в настоящее время потер-

жели неудачу. В виду скудости и противоречивости сведений письменных источников эта проблема должна решаться с широким привлечением археологических данных.

Данные по археологии этого времени указывают на близкую связь культуры Средней Азии с сарматской культурой. Наиболее резко эти сарматские черты культуры выступают в археологическом материале рассматриваемых могильников, возникновение которых, судя по времени, можно связать со временем нашествия народов разгромивших Греко-Бактрийское царство.

Многочисленные аналогии материалам из могильников позволяют выдвинуть предположение о приходе этих народов из Приуралья и прилегающих к нему районов. Однако это еще не может явиться полным решением всей проблемы. Необходимы дальнейшие работы по фактонакоплению, которые смогут полнее и более правильно решить этот вопрос.

В результате проведенного исследования могильников и прилегающих к ним памятников можно сделать следующие выводы.

1. Раскопками в восточной части Бухарской области выявлены новые памятники, материалы которых являются новым вкладом в археологию Средней Азии.

2. Керамический материал указывает на культурную близость этого района с Бактрией, что позволяет предполагать вхождение Бухарского оазиса в число областей подвластных кушанам, о чем никаких прямых указаний в литературе не было.

3. Результаты исследования могильников показывают, что изучение курганных погребений древнего Согда является одной из неотложных задач археологов Узбекистана. Особенно важно изучение курганных погребений на территории Бухарской и Сурхан-Дарьинской областей, где в древности осели племена завоевавшие Греко-Бактрию.

4. Дальнейшее изучение вопроса о происхождении этих народов должно вестись в творческом содружестве специалистов по сарматской археологии и археологии Средней Азии, что обеспечит наиболее правильное и полное решение этой проблемы.

Технический редактор З. П. Горьковая

Р07831. Подписано к печати 12/Х—54 г. Бумага 60×92 $\frac{1}{16}$ = 05 бум. л.
1,0 печ. л. Изд. л. 1,0. Тираж 125.

Тип. Издательства АН УзССР Ташкент 1954. Заказ. 1017.

